

02
Сорбенты графенового типа для элиминации микотоксина Т-2

© А.П. Возняковский,¹ А.П. Карманов,² А.Ю. Неверовская,¹ Л.С. Кочева,² А.А. Возняковский,³
А.В. Канарский,⁴ Э.И. Семенов,⁴ С.В. Кидалов³

¹ Научно-исследовательский институт синтетического каучука им. акад. С.В. Лебедева,
198035 Санкт-Петербург, Россия

² Институт биологии Коми научного центра УрО РАН,
167982 Сыктывкар, Россия

³ Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе РАН,
194021 Санкт-Петербург, Россия

⁴ Федеральный центр токсикологической, радиационной и биологической безопасности,
420075 Казань, Россия
e-mail: voznar@mail.ru

Поступило в Редакцию 2 марта 2024 г.

В окончательной редакции 24 июня 2024 г.

Принято к публикации 27 июня 2024 г.

На примере сорбции микотоксина Т-2 проведено сравнительное исследование сорбентов на основе ряда природных биополимеров и их карбонизированных продуктов — малослойных графенов, полученных в условиях процесса самораспространяющегося высокотемпературного синтеза. Выполненные исследования свидетельствуют о том, что эффективность сорбции микотоксина Т-2 малослойными графенами по всем показателям, включая показатель необратимой сорбции, существенно превышает аналогичные характеристики для исходных биополимеров (сульфатный лигнин, микроцеллюлоза, кора сосны, лигнин березы). Проведено исследование адсорбентов методом низкотемпературной адсорбции азота.

Ключевые слова: сорбция микотоксинов, микотоксин Т-2, лигнин, малослойный графен.

DOI: 10.61011/JTF.2024.09.58669.71-24

Введение

Обеспечение продовольственной безопасности — серьезная проблема, с которой сталкивается мировая экономика. Частной задачей этой глобальной проблемы является исключение потерь сырья биологического происхождения и конечных продуктов его переработки вследствие контаминации микотоксинами [1]. Микотоксины (МКТ) представляют собой вторичные токсические метаболиты микроскопических грибов — микромицетов. Современное интенсивное сельское хозяйство производит миллионы тонн продукции, которые нужно хранить и очищать. Следствием большого объема производства является невозможность на практике исключить попадание МКТ в продукты питания при том, что загрязнение может иметь место на любом этапе уборки и хранения урожая. Так, интоксикация зерновых культур микромицетами, по оценке специалистов FAO при ООН (Food and Agriculture Organization of the United Nations), может достигать до 25% от всего полученного урожая [2]. Для детоксикации продовольствия, пораженного МКТ, используют как методы физического контроля (улучшение условий хранения, водную отмывку, отделение чистого продукта от загрязненного), так и методы внешнего воздействия на загрязненный продукт (термическая обработка, озонирование) [3,4]. Однако с учетом того, что химическая структура большинства молекул МКТ варьируется от простых гетероциклов до более

сложных молекул с 6–8 нерегулярно расположенными гетероциклическими фрагментами [5], МКТ, как и все гетероциклические органические соединения, характеризуются высокой химической стабильностью и термостабильностью. Соответственно, детоксикация урожая растительного происхождения, предназначенного для питания животных, методами термической и/или химической обработки не может обеспечить необходимую степень его очистки от МКТ и, следовательно, не исключает попадания токсинов в организм животных [6]. Таким образом, нельзя также исключить опасность отравления людей МКТ (микотоксикоз) посредством формирования пищевой цепи — передачи токсинов от животных к человеку [7,8].

С учетом того что детоксикацию продуктов практически невозможно полностью устранить, основные усилия многих исследовательских групп сосредоточены на создании энтеросорбентов — сорбентов, связывающих экзо- и эндогенные вещества в желудочно-кишечном тракте животных.

При выборе энтеросорбента для детоксикации кормов приходится учитывать, что расширение масштабов экспорта и импорта продуктов земледелия между странами приводит к повышению возможности одновременной контаминации корма различными микромицетами и МКТ. Кроме того, вследствие глобального изменения климата, штаммы МКТ, которые встречались ранее только в странах с тропически-субтропическим климатом,

регистрируются и в странах с умеренным климатом, в частности, в России [9,10].

Таким образом, современные энтеросорбенты должны отвечать не только основным требованиям, предъявляемым к энтеросорбентам, таким, как нетоксичность, специфичность к сорбции именно токсинов, необратимое связывание токсинов, быстрое выведение их из организма и устойчивость в желудочно-кишечном тракте (ЖКТ), но и быть поливалентным по отношению к ряду наиболее часто встречающихся микротоксинов [11]. И, хотя к настоящему времени разработан целый ряд энтеросорбентов на основе неорганических и синтетических адсорбентов (см., например, [12,13] и ссылки в них), поиск новых исходных материалов в качестве основы энтеросорбентов, а также новых методик формирования энтеросорбентов по-прежнему актуальны.

Большинству требований к современным энтеросорбентам отвечают энтеросорбенты, получаемые на основе широко распространенных природных биополимеров — лигнинов [14–16]. К недостатку энтеросорбентов на основе лигнинов можно отнести их низкую сорбционную способность в изменчивых (по кислотности среды) условиях ЖКТ млекопитающих, о чем свидетельствует невысокий показатель необратимой адсорбции Q_s . Этот показатель определяется как разность между показателем адсорбции при pH 2 (как в желудке) и pH 8 (как в толстой кишке).

С развитием технологий синтеза высокодисперсных материалов их стали тестировать на пригодность использования в качестве сорбентов [17,18]. В частности, опубликованы работы по исследованию оксида графена (GO) как поливалентного сорбента MKT (anatoxin, zearalenone, deoxynivalenol) [19–21]. Однако производительность методики Хаммерса, которая в подавляющем большинстве случаев используется для синтеза оксида графена, явно недостаточна для перехода от межлабораторных исследований к расширенным практическим работам [22]. К тому же, сама методика синтеза не отвечает современным жестким требованиям по экологической безопасности, так как требует применения агрессивных кислот и активных окислителей.

Нами предложена методика получения малослойного графена (МГ), получаемого карбонизацией биополимеров в процессе самораспространяющегося высокотемпературного синтеза, по своей производительности и экологической безопасности полностью соответствующая требованиям к современным технологиям [23].

В настоящей работе с целью определения перспективности замещения энтеросорбентов на основе природных биополимеров на их карбонизированные аналоги было проведено сравнительное исследование эффективности процессов сорбции MKT T-2 этими двумя типами сорбентов.

1. Экспериментальная часть

1.1. Прекурсоры

В качестве прекурсоров МГ использовали биополимеры различного происхождения:

1) лигнин технический, сульфатный лигнин АО „Монди СЛПК“; элементный состав: С — 65.9%, Н — 5.8%, О — 26.3%; функциональный состав: OCH_3 — 11.3%, фенольные группы OH_{ph} — 5.1%, S — 1.5%; COOH — 4.3%; обозначение полученного карбонизированного продукта — МГ-1;

2) микрокристаллическая целлюлоза [24]; получена от ООО „Аптучный склад Химфармпродукт“; размер частиц — $50\ \mu\text{m}$; pH 5–7; обозначение полученного карбонизированного продукта — МГ-2;

3) кора сосны; получена из коллекции Дальневосточного НИИ лесного хозяйства (ФГБУ ДальНИИЛХ, г. Хабаровск); обозначение полученного карбонизированного продукта — МГ-3;

4) природный лигнин — диоксанлигнин, выделенный методом Пеппера из древесины березы *Betula verrucosa*; элементный состав: С — 60.7%, Н — 6.8%, О — 34.8%; функциональный состав: OH_{ph} — 4.4%, COOH — 4.5%; обозначение полученного карбонизированного продукта — МГ-4.

1.2. Получение МГ

Карбонизацию биополимеров проводили в условиях метода самораспространяющегося высокотемпературного синтеза (СВС). СВС использует внутреннее тепло экзотермической химической реакции между смешанными порошкообразными компонентами.

К преимуществам метода СВС можно отнести:

(1) возможность проведения процесса без использования постоянных внешних источников нагрева, в любой атмосфере или в вакууме, отсутствие существенных энергетических затрат, так как процесс протекает за счет использования внутренней энергии, заключенной в исходных реагентах;

(2) возможность использования простого технологического оборудования;

(3) высокая скорость СВС процесса (на несколько порядков превышает все достигнутое к настоящему времени в аналогичных технологических процессах);

(4) оборудование СВС компактно и не требует больших площадей.

В качестве источника углерода использовались циклические биополимеры — целлюлоза (ЧДА), глюкоза (ЧДА) и лигнин гидролизный. Источник углерода смешивался с окислителем (нитрат аммония, ЧДА) в соотношении 1:1. Исходная смесь загружалась в реактор, где с помощью нагрева до 300°C запускался СВС процесс. Выход конечного продукта от массы исходного биополимера составлял 25–30%.

Более подробно процесс синтеза описан в [25].

1.3. Сорбционный эксперимент

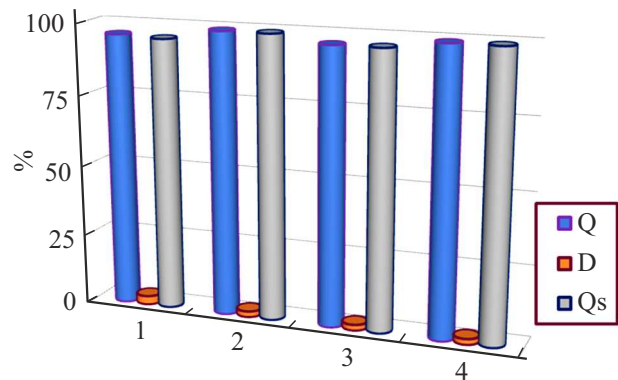
Эксперимент проводился следующим образом. На первом этапе определяли показатель адсорбции МКТ (Q), для чего инкубировали токсин и адсорбент в соотношении 1:1000 в растворе, содержащем 50 μg токсина при pH среды 2 и температуре $37 \pm 0.2^\circ\text{C}$ (моделирование условий среды *in vitro* желудка). Использовали кристаллический МКТ производства Fermentek ltd. (Израиль). Затем раствор центрифугировали, из жидкой фракции токсин экстрагировали 70% водным раствором метанола. Определение остаточных количеств МКТ T-2 в сухом остатке проводили методом иммуноферментного анализа с использованием набора „RIDASCREEN“ T-2 Toxin. (R-Biopharm). На втором этапе определяли десорбцию МКТ (D), для чего твердую фракцию после центрифугирования инкубировали в растворе при pH 8 (моделирование условий среды *in vitro* в толстой кишке). Затем вновь центрифугировали и определяли содержание токсина в жидкой фракции после его десорбции при pH 8. Величина Q представляет собой среднее значение показателя сорбции, выраженное в процентах от общего количества МКТ, взятого в эксперименте. Количество прочно (необратимо) сорбированного МКТ ($Q_s, \%$) определяли исходя из разности показателя адсорбции Q и десорбции D.

1.4. Определение характеристик пористой структуры

Определение характеристик пористой структуры адсорбентов проводили методом низкотемпературной адсорбции азота на анализаторе удельной поверхности и пористости ASAP 2020 mp (Micromeritics, USA). Образцы адсорбента предварительно дегазировали при 100°C до остаточного давления $7 \cdot 10^{-4}$ Pa с выдерживанием при заданных условиях в течение 2 h. Навеска образцов составляла от 20 до 160 mg в зависимости от предполагаемой структуры образца. Далее проводили адсорбцию и десорбцию газа в интервале давлений от 0 до 101.3 kPa. Используя программное обеспечение прибора, по полученным изотермам рассчитывали параметры пористой структуры. Суммарный объем пор V_Σ (cm^3/g), ширину и удельную площадь поверхности пор (УПП) (m^2/g) определяли методом Брунауэра–Эммета–Теллера (БЭТ). Ширину микропор вычисляли методом Хорвата–Кавазоз, [nm], объем микропор V_{micro} , [cm^3/g], рассчитывали по методу Дубинина–Радушкевича, объем мезопор V_{meso} , [cm^3/g], определяли методом Брокхоффа-де-Бура.

2. Результаты и их обсуждение

На рис. 1 представлены показатели адсорбции–десорбции МКТ T-2 в условиях, моделирующих *in vitro* ЖКТ млекопитающих, для образцов МГ.

Рис. 1. Сорбционно-десорбционные характеристики образцов МГ, полученных из различных прекурсоров в отношении МКТ T-2: Q — сорбция при pH 2, D — показатель десорбции, Qs — показатель необратимой сорбции.

Как следует из полученных данных, все образцы МГ, полученные из прекурсоров, демонстрируют весьма высокую сорбционную способность в отношении МКТ T-2. Особо можно выделить образцы МГ-2 (FLG_cel) и МГ-4 (FLG_IGNat), для которых значения Q и Qs практически равны. Это означает, что потери за счет десорбции МКТ T-2 в условиях, моделирующих толстую кишку ЖКТ, для этих образцов МГ практически не наблюдаются ($< 0.1\%$).

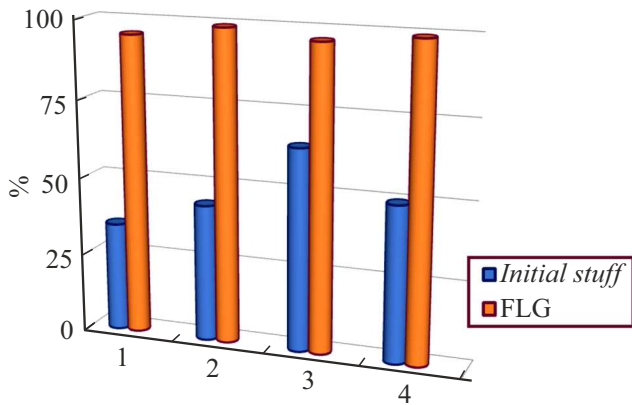
Если рассматривать перспективность использования в качестве прекурсора технического лигнина и коры сосны, то можно отметить, что, несмотря на несколько худшие сорбционные показатели (на 3–4%), с точки зрения практического использования некоторым преимуществом при их выборе являются такие параметры, как сырьевая доступность и возможность улучшения экологической обстановки в местах длительного хранения технического лигнина и коры сосны, представляющих отходы переработки древесной биомассы [26,27].

Поскольку до настоящего времени ведутся работы по поиску природных источников для использования в качестве сорбентов МКТ (см., например, [28] и ссылки в ней), несомненный интерес представляет сопоставление сорбционных свойств исходных биополимеров, используемых в настоящей работе в качестве прекурсоров, и их карбонизированных производных — МГ (рис. 2).

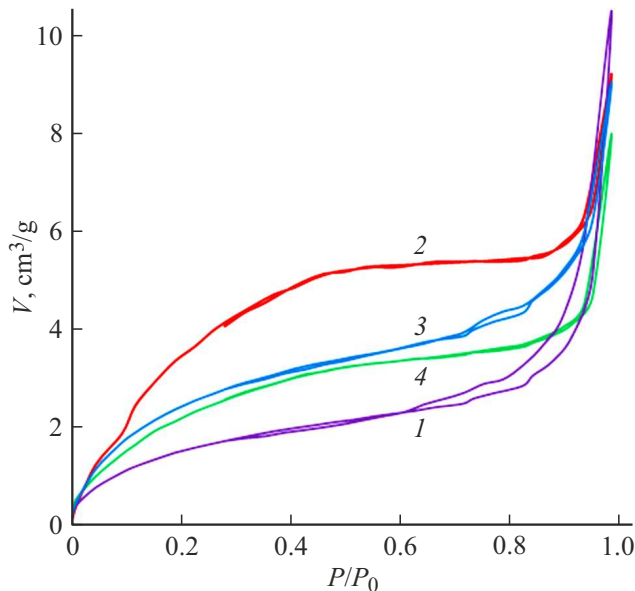
Как можно заключить из данных рис. 2, по сравнению с исходными биополимерами карбонизированные биополимеры — МГ — показывают значительно лучшие сорбционные характеристики по отношению к МКТ T-2.

Для понимания наблюдаемого расхождения в сорбционных свойствах исходных биополимеров и их карбонизированных аналогов мы применили метод низкотемпературной адсорбции азота.

Изотермы адсорбции для образцов биополимеров–прекурсоров 1–4 представлены на рис. 3, а их карбонизированных аналогов — на рис. 4.

Рис. 2. Показатели необратимой адсорбции в отношении МКТ Т-2 для образцов исходного сырья (синий) и их карбонизированных производных — МГ (красный). 1 — лигнин технический сульфатный, 2 — микрокристаллическая целлюлоза, 3 — кора сосны, 4 — природный лигнин березы.

Рис. 3. Изотермы адсорбции азота для образцов биополимеров-прекурсоров: 1 — микрокристаллическая целлюлоза, 2 — лигнин березы, 3 — кора сосны, 4 — сульфатный лигнин.

Для интерпретации результатов по сорбции МКТ Т-2 следует рассмотреть особенности изотерм лигнинов (прекурсоров) и синтезированных из них образцов графена. Во-первых, следует отметить, что изотермы для всех образцов лигнина качественно одинаковы. Во-вторых, на основании анализа формы этих изотерм можно утверждать, что их следует отнести к типу IV (а) по классификации ИЮПАК. Характерными особенностями изотермы IV типа является четко выраженная петля гистерезиса, которая обусловлена капиллярной конденсацией, происходящей обычно в мезопорах. Сле-

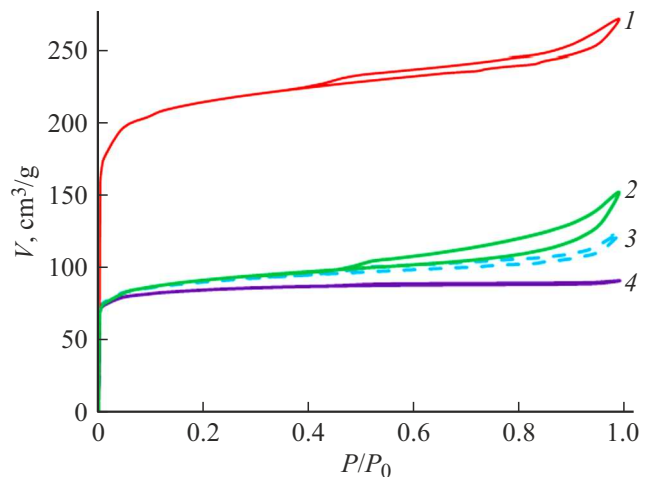
дует отметить, что изотермы IV типа наблюдаются для многих промышленных мезопористых адсорбентов.

Учитывая направление (практически вертикальное) ветвей сорбции и десорбции, петли гистерезиса, представленные на рис. 3, следует отнести к типу H1. Капиллярная конденсация адсорбата происходит в области, начинающейся при высоких значениях показателя давления $P/P_0 \approx 0.7-0.8$, что также указывает на развитую мезопористую структуру исследуемых образцов. Некоторые особенности формы и ширины петли гистерезиса для разных образцов лигнинов могут быть связаны с характером распределения мезопор. Как показывает анализ литературных данных, изотермы типа H1 часто наблюдаются для адсорбции, протекающей по хемосорбционному механизму.

Интерпретируя вид полученных изотерм сорбции для карбонизированных продуктов, можно соотнести их с изотермами сорбции типа H4 (рис. 4). Этот тип изотерм свидетельствует о том, что исследуемые углеродные наноматериалы обладают поверхностно-пористой структурой, образованной в основном узкими щелевидными микропорами с шириной 2–3 нм. Полный расчет величин удельной поверхности, суммарного объема пор и парциальных вкладов мезо- и микропор приведен в таблице.

Сопоставляя характеристики поверхностно-пористой структуры образцов МГ с их сорбционными параметрами, можно отметить, что некоторое преимущество по сорбционным характеристикам МГ-2 и МГ-3 можно связать с дополнительным парциальным вкладом мезопор.

Сопоставляя данные по сорбционным характеристикам лигнинов и их карбонизированных аналогов, можно сделать вывод, что существенное преимущество МГ связано с особенностями их морфометрии — наличием поверхностно-пористой структуры, образованной в основном узкими щелевидными микропорами, характерными для частиц МГ, образованных стеклом 2–5 графеновых слоев.

Рис. 4. Изотермы адсорбции образцов МГ: 1 — МГ-3, 2 — МГ-2, 3 — МГ-4, 4 — МГ-1.

Характеристики поверхностно-пористой структуры образцов МГ.

Образец	УПП, м ² /г	V _Σ , см ³ /г	V _{meso} , см ³ /г	V _{micro} , см ³ /г	Ширина микропор, nm	Ширина пор, nm
МГ-1	261	0.142	0.007	0.123	1.13	2.2
МГ-2	288	0.236	0.109	0.132	1.12	3.3
МГ-3	367	0.421	0.103	0.314	1.14	2.5
МГ-4	283	0.194	0.050	0.119	2.74	2.7

Выводы

Проведено изучение эффективности сорбции МКТ Т-2 природными биополимерами растительного происхождения и продуктами их карбонизации — МГ, полученными методом СВС. Выполнено исследование адсорбентов методом низкотемпературной адсорбции азота, и установлено, что исходные растительные материалы обладают мезопористой структурой, тогда как графены характеризуются наличием узких щелевидных микропор. Полученные данные свидетельствуют о более высокой сорбционной способности графенов в сравнении с исходными биополимерами, что обусловлено различиями капиллярно-пористой структуры исследуемых сорбционных материалов.

Финансирование работы

Работа выполнена в рамках государственного задания Института биологии № 122040600024-5 (химический анализ) и Института геологии № 122040600011-5 (физико-химические методы) ФИЦ Коми НЦ УрО РАН и при финансовой поддержке государственного задания ФТИ им. А.Ф. Иоффе (проект FFUG-2024-0019 „Функциональные углеродные наноструктурированные материалы“).

Конфликт интересов

Авторы заявляют, что у них нет конфликта интересов.

Список литературы

- [1] L. Channaiah, M. Morales. Intern. Food Hygiene, **26** (2), 7 (2015).
- [2] M. Eskola, G. Kos, C.T. Elliott, J. Hajslova, S. Mayar, R. Kraska. Critical Reviews in Food Science and Nutrition, **60** (16), 2773 (2020). DOI: 10.1080/10408398.2019.1658570
- [3] R. Colović, N. Puvaća, F. Cheli, G. Avantiaggiato, D. Greco, O. Đuragić, J. Kos, L. Pinotti. Toxins, **11**, 617 (2019). DOI: 10.3390/toxins11110617
- [4] S. Ndiaye, M. Zhang, M. Fall, N.M. Ayessou, Z. Qi, P. Li. Toxins, **14**, 729 (2022). DOI: 10.3390/toxins14110729
- [5] P. Bajpai. *Pulp and Paper Industry: Chemical Recovery* (Elsevier Science Ltd, 1984)
- [6] I.B. Johns, E.A. McElhill, J.O. Smith. Ind. Eng. Chem. Prod. Res. Dev., **1** (1), 2 (1962). DOI: 10.1021/i360001a001
- [7] N. Magan, D. Aldred. Intern. J. Food Microbiol., **119** (1–2), 131 (2007). DOI: 10.1016/j.ijfoodmicro.2007.07.034
- [8] L. Channaiah. Microbiology, **5**, 5 (2014). DOI: 10.5772/intechopen.92845
- [9] C.H. Díaz Nieto, A.M. Granero, M.A. Zon, H. Fernández. Food Chem. Toxicol., **118**, 460 (2018). DOI: 10.1016/j.fct.2018.05.057
- [10] C. Viegas, J. Nurme, E. Piecková, S. Viegas. Mycology, **11** (2), 91 (2018). DOI: 10.1080/21501203.2018.1492980
- [11] К.Х. Папуниди. *Комбинированные поражения животных и разработка средств профилактики и лечения: монография* (ФГБНУ „ФЦТРБ-ВНИВИ“, Казань, 2019)
- [12] P. Vila-Donat, S. Marín, V. Sanchis, A.J. Ramos. Food Chem. Toxicol., **114**, 246 (2018). DOI: 10.1016/j.fct.2018.02.044
- [13] G.M. Hamad, T. Mehany, J. Simal-Gandara, S. Abou-Alella, O.J. Esua, M.A. Abdel-Wahhab, E.E. Hafez. Food Control, **144**, 109350 (2023). DOI: 10.1016/j.foodcont.2022.109350
- [14] S. Paul, S.K. Bhardwaj, R. Kaur, J. Bhaumi. ACS Symposium Series, **1348** (8), 225 (2020). DOI: 10.1021/bk-2020-1348.ch008
- [15] A.P. Karmanov, A.V. Kanarsky, L.S. Kocheva, E.I. Semenov, V.A. Belyy. Reactive Functional Polymers, **167** (2021). DOI: 10.1016/j.reactfunctpolym.2021.105033
- [16] N.I. Fayzullayev, K.N. Kholmirezayeva. Nano Tech. Nano Sci., **16** (6), 160 (2022). DOI: 10.17586/2220-8054-2022-13-5-514-524
- [17] J. Jampílek, K. Králová. In *Nanomycotoxicology* (Academic Press, 2020), ch. 15, p. 349–383. DOI: 10.1016/B978-0-12-817998-7.00015-X
- [18] P. Horky, S. Skalickova, D. Baholet, J. Skladanka. Nanomaterials, **8** (9), 727 (2018).
- [19] P. Horky, E. Venusova, T. Aulichova, A. Ridoskova, J. Skladanka, S. Skalickova. PLoS ONE, **15** (9), e0239479 (2020). DOI: 10.1371/journal.pone.0239479
- [20] Z. Bytesnikova, V. Adam, L. Richtera. Food Control., **121**, 107611 (2021). DOI: 10.1016/j.foodcont.2020.107611
- [21] C. Song, J. Qin. Intern. J. Food Sci. Technol., **57**, 5781 (2022). DOI: 10.1111/ijfs.15953
- [22] А.В. Таратайко, Г.В. Мамонтов. Вестник ТомГУ. Химия, **30**, 67 (2023). DOI: 10.17223/24135542/30/6
- [23] A.P. Voznyakovskii, A.A. Vozniakovskii, S.V. Kidalov. Nanomaterials, **12** (4), 657 (2022). DOI: 10.3390/nano12040657
- [24] С.А. Аутлов, Н.Г. Базарнова, Е.Ю. Кушпир. Химия растительного сырья, **3**, 33 (2013). DOI: 10.14258/jcrpm.1303033

- [25] A. Vozniakovskii, S. Kidalov, A. Vozniakovskii, A. Karmanov, L. Kocheva, N. Rachkova. Fullerenes, Nanotubes and Carbon Nanostructures, **28** (3), 238 (2020). DOI: 10.1080/1536383x.2019
- [26] S.M. Krutov, A.P. Voznyakovskii, A.A. Gordin, D.I. Savkin, I.V. Shugalei. Russ. J. General Chem., **85** (13), 2898 (2015). DOI: 10.1134/S1070363215130058
- [27] A.Yu. Neverovskaya, A.P. Voznyakovskii, L.T. Krupskaya, I.V. Shugalei, A.A. Vozniakovskii. Russ. J. General Chem., **93** (13), 3464 (2023). DOI: 10.1134/S1070363223130303
- [28] A.P. Karmanov, A.V. Kanarsky, Z.A. Kanarskaya, L.S. Kocheva, E.I. Semenov, N.I. Bogdanovich, V.A. Belyy. Intern. J. Biol. Macromolecules, **144**, 111 (2020). DOI: 10.1016/j.ijbiomac.2019.12.081